

Владимир
Колабухин

В поиске

ИСТИНЫ

Библиотека классической и современной прозы

Владимир Колабухин

В поиске истины

«Общенациональная ассоциация молодых
музыкантов, поэтов и прозаиков»

2019

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

Колабухин В. Г.

В поиске истины / В. Г. Колабухин — «Общенациональная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков», 2019 — (Библиотека классической и современной прозы)

ISBN 978-5-6043130-7-7

Преступления, о которых рассказывает читателю автор, совершены в разных странах и в разное время, даже весьма отдаленное от нашего. Но все произведения в этой книге объединяет одна простая истина: человека, преступившего закон, – закон страны или закон совести, – непременно ждет возмездие. И не столь важно, будет ли это тюремный срок, моральная гибель или физическая, – но справедливость будет восстановлена...

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2=411.2)6-44

© Колабухин В. Г., 2019

© Общенациональная ассоциация
молодых музыкантов, поэтов и
прозаиков, 2019

ISBN 978-5-6043130-7-7

Содержание

Об авторе	6
Кто стрелял в «Бирюзе»?	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владимир Колабухин

В поиске истины

© Владимир Колабухин, 2019

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков, 2019

Об авторе

Владимир Колабухин

Родился 5 июля 1937 года в России, в подмосковном городе Коломна. По образованию – юрист, по профессии – журналист. Автор нескольких книг прозы и стихов. Дипломант ряда отечественных и международных литературных конкурсов, в том числе – Золотой лауреат Германского Международного литературного конкурса «Лучшая книга года» (2015, 2017 гг.) Член Союза российских писателей. Живёт в городе Ярославле.

Кто стрелял в «Бирюзе»?

Повесть

Глава 1

Говорят, понедельник – день тяжёлый. Не знаю, не знаю... Может быть. Но утро того памятного мне понедельника выдалось солнечным. Небо ясное-ясное! Майский воздух, освежённый коротким ночным дождём, был удивительно душист от расцветающей сирени...

Я жил тогда неподалёку от городского отдела милиции, где работал следователем. И до чего же хорошо было у меня на душе в то чудесное утро! Мог не спеша пройтись по затенённому большими старыми липами городскому бульвару, посидеть в укромном уголке на скамейке и помечтать о чём-нибудь заветном, пусть, может, и несбыточном...

Да, утро есть утро! И думается лучше. Недаром говорится, что утро вечера мудренее. Вот и ко мне в то утро пришла мысль, что не настолько уж я закошел на своей следственной работе, как полагала моя соседка по квартире Леночка – гибкая девушка с мягким овалом лица и большими зелёными глазами. Она учительница русского языка и литературы в школе. Голос у неё мягкий, приятный. К тому же она очень красива. Вместе с её приветливой мамашей Екатериной Ивановной, весьма пожилой, располневшей седовласой женщиной, они занимала две смежные комнаты. Я – третью. Так уж получилось, что однокомнатных квартир нашему отделу не выделили, и меня, выпускника юридического института, просто-напросто «подселили». Елена, судя по всему, была не прочь завести со мной роман. А у меня он уже был, но лишь оставил в сердце боль. И, конечно, я уже стал не настолько наивен, чтобы таять от улыбок хорошеньких девушек, поэтому в обращении с Еленой, наверное, и впрямь был суховат.

«Только что-то вдруг сегодня, – думал я, – её образ словно застыл перед глазами?..»

Я поднялся со скамейки и не спеша направился к выходу. Время в запасе ещё было. Да и служба моя такая, что излишней торопливости не терпит, требует внутреннего спокойствия и уверенности. А то утро было такое замечательное! «Может, – подумал, – и весь день будет таким же?»

Так же не спеша я покинул бульвар, пересёк по белым полоскам перехода залитую солнцем площадь и через минуту был уже в вестибюле отдела. Заглянул в комнату дежурного, а там, кроме его помощника – молодого широкоплечего сержанта Кандаурова, – никого больше не увидел, хотя обычно в это время здесь можно было встретить кого-нибудь из работников уголовного розыска. Значит, ничего существенного за воскресенье не произошло.

Я подошёл к столу Кандаурова, поздоровался и спросил:

– Как дела? Где дежурный?

Сержант устало поднял на меня припухшие от бессонной ночи глаза:

– Здравия желаю, товарищ капитан. Пока всё в норме. Если до девяти не поступит заявлений, то вам сегодня лафа... А дежурный к руководству ушёл – докладывать.

– Твоими бы устами – да мёд пить! – сказал я, улыбнувшись ему. Широкое лицо сержанта наполнилось простодушной улыбкой. И в этот момент на пульте вспыхнул жёлтый огонёк «02».

Кандауров схватил телефонную трубку.

– Милиция!.. Что? А кто говорит?

Я спросил сержанта:

– Ну что?

Он прикрыл ладонью трубку.

– Муж у одной буянит...

И опять в телефон:

– Да-да... Успокойтесь, пожалуйста. Мы немедленно выезжаем.

«Вот так-то, – подумал я, – ничего себе начался денёк!» Вышел в коридор, привычно поднялся по крутой лестнице на третий этаж и зашагал в свой кабинет. Там в открытую форточку вливался всё тот же густой запах расцветающей сирени. Он снова возвратил меня к мыслям о Елене. Как любит она выискивать в её гроздьях «счастливые» соцветья!.. Вот придёт вечер, и я опять пройду по бульвару, накуплю для неё сирени. Пусть порадует!

Улыбаясь своим мыслям, принялся за работу: изучал справки и протоколы, писал запросы, опрашивал свидетелей, проходивших по текущему в моём производстве уголовному делу. Ждал вечера. И дождался – телефонного звонка дежурного:

– Демичевский?.. Срочно с опергруппой на выезд!

Оказалось, сработала сигнализация ювелирного магазина «Бирюза».

Не прошло и трёх минут, а наш «УАЗик», включив сирену, уже мчался по улице. Сидели и гадали: что там, в «Бирюзе»? И самое худшее предположение оправдалось – разбойное нападение.

«Как же такое случилось?» – спросили мы в магазине. И вот что выяснилось.

За пять минут до закрытия «Бирюзы» кто-то позвонил со двора у служебного входа. Думая, что приехали инкассаторы, директор магазина Шляпникова, пожилая дородная женщина, собирающаяся через месяц уйти на пенсию, спокойно открыла дверь и... отшатнулась. Высокий молодой черноволосый мужчина с пистолетом в руке подтолкнул Шляпникову к её кабинету, рванул там со стола одну из инкассаторских сумок с дневной выручкой и перебросил сообщнице, такой же молодой смуглолицей особе, появившейся на мгновение за его спиной.

Ещё до того, как налётчик потянулся за второй сумкой, Шляпникова успела нажать потайную кнопку сигнала тревоги. Завыл «ревун». Преступник отпрянул, выстрелил не целясь и выскочил во двор. Громко хлопнула дверца машины, заурчал мотор, и через несколько секунд всё стихло...

Шляпникова выглядела испуганной, но невредимой. Только губы белые тряслись не переставая.

– Да вы не волнуйтесь, не переживайте так, – попытался я успокоить её и коротко передал в райотдел по телефону первые сведения о случившемся.

Шляпникова расстроено всплеснула руками:

– Как не переживать?! Ведь чуть не всю выручку унесли!

Она потянулась к графину с водой. Я опередил, подал полный стакан. Пока Шляпникова пила, вместе с экспертом Губиным осмотрел и сфотографировал место происшествия. Собственно, осматривать было почти нечего. Её кабинет, где вёлся наш разговор, находился напротив служебного входа. Налётчик действительно мог за секунды осуществить задуманное.

Над столом, за которым сидела моя собеседница, ярко светила красивая хрустальная люстра. В кабинете ещё лишь один небольшой сейф да несколько стульев. Без особых затруднений нашёл на полу у окна пулю, которая попала в стенку и сколола кусочек бетона, а за косяком двери – гильзу. Следов обуви – много, но все затёртые, и разобраться в них было практически невозможно. Лишь в коридорчике у порога кабинета Губину удалось зафиксировать слабые отпечатки подошвы и каблук женской туфельки.

Я присел к столу Шляпниковой:

– Так вы говорите, преступников было двое?

– Может, и больше, – не сразу отозвалась она. – Ко мне ворвались двое – мужчина и женщина.

– Как они выглядели?

Но Шляпникова, как и в начале разговора, не смогла описать их подробно: высокий молодой смуглолицый мужчина да такая же молодая его напарница-блондинка – вот и всё. И она расстроено стала оправдываться:

– Испугалась очень. Какие уж тут подробности, особые приметы. Спросите, во что были одеты, – и то, наверное, не скажу.

– И всё же?

– Мужчина, по-моему, в тёмном костюме, а женщина... в синем платье как будто бы... – смущённо пыталась вспомнить Шляпникова, комкая в дрожащей руке мятый цветастый платочек, которым то и дело обтирала потное лицо. – Кабы не струсилась так!..

Я поспешил успокоить:

– Не казните себя напрасно. В ситуации, что случилась с вами, кто не испугался бы. А вы действовали решительно, не дрогнули.

Мне и впрямь было приятно похвалить эту пожилую мужественную женщину. Но она тут же отмахнулась:

– Да какое там решительно! Мне бы после звонка в глазок посмотреть, а не дверь сразу открывать.

– Действительно, а почему вы поторопились открыть дверь?

– Думала, инкассаторы за выручкой приехали. Они всегда в это время появляются у нас.

– Погодите, погодите. Давайте уточним. Во сколько к вам позвонили?

– Я уже говорила – без пяти семь.

– А инкассаторы приезжают?

– В семь. Иногда на минуту-две раньше или позже. Вот что и подвело меня. Ведь звонок был почти в это же время.

Да, видел я этих инкассаторов. Нас дожидались. Даже говорил с ними, поохали они, посочувствовали директорше и уехали.

Я задумался. Интересная вырисовывалась картина: рискованно действовали налётчики! Рискованно, но рассчитано, словно всё по секундочкам выверили.

– Значит, вы считаете, что у преступников была машина? – спросил Шляпникову.

– Но ведь кто-то сразу выехал со двора, кто же ещё?

«Конечно, – мысленно согласился я. – Без транспорта им в таком деле не обойтись. Выстрел могли услышать на улице. Следовательно, кто-нибудь мог заприметить и машину. Теперь только бы найти очевидцев!»

Я был уверен, что и другие члены опергруппы зря времени не теряют. Зевак на улице, когда мы подъехали к магазину, было немало, да и подворный обход ближайших домов, опрос их жителей мог выявить ценных свидетелей. Кто-то из них, к примеру, в момент происшествия выходил из магазина или разглядывал его витрины, кто-то отдыхал на балконе своего дома или сажал там цветы... Короче, должны быть свидетели!

Поблагодарив Шляпникову, я вышел в коридор.

Как и ожидал, мне уже нашли свидетелей: узкоплечего веснушчатого паренька в линялых джинсах и пёстрой рубашке с отложным воротничком и тощую, как жердь, старомодно одетую старушку. Оба сказали, что видели желтое такси, выскочившее со двора почти сразу после выстрелов. Номера машины старушка не приметилла. Зато парню, учащемуся художественного училища, запали в память цифры: «37-38».

Я незамедлительно сообщил эти данные дежурному по отделу. Если в машине преступники, и они попытаются выехать из города, им это теперь вряд ли удастся: дежурный передаст мою информацию всем патрульным нарядам и инспекторам ГАИ.

Мы работали до глубокой ночи, делали всё, чтобы раскрыть дерзкое преступление, как говорится, по горячим следам, но... тщетно. Налётчики как в воду канули.

Домой возвратился за полночь. Попытался неслышно пробраться в свою комнату, но Елена тут как тут. На ходу застегнув халатик, поспешила из своей комнаты на кухню.

– Я тебе чаю подогрею.

Отговаривать было бесполезно, и я молча кивнул.

На кухне Лена села рядом со мной за столик и, пока я чаёвничал, не отрываясь молча смотрела на меня зелёными, как виноградины, глазами. Только на этот раз они казались мне чуть погрустневшими.

– У тебя что-то случилось? – спросил.

– Что у меня может случиться. Пей чай, Демичевский, пей, – ответила Лена. Поспешно отвела взгляд и пыталась улыбнуться.

«Господи! – чуть не воскликнул я с горечью в душе. – Так ведь хотел принести ей цветы. Надо же, как всё нескладно получилось».

Глава 2

Утром я проснулся раньше обычного времени. Прошёл на кухню, а Лена уже сидела у окна, задумчивая и чем-то озабоченная.

– С добрым утром! – заговорил я, улыбаясь. – Что нос повесила?

– Здравствуй! – приветливо ответила она. На лице её тоже появилась улыбка. – И всё-то замечаешь ты, Демичевский!

– Профессия такая! – засмеялся я и подошёл к плите. Осторожно потрогал чайник, а он уже горячий-прегорячий. Положил в чашку ложечку растворимого кофе, сахар, залил кипятком.

– Сегодня опять поздно вернёшься? – спросила Лена.

– Пока не знаю, – ответил, отпивая из чашки маленькими глотками дымящийся душистый напиток. Взглянул на часы. Ещё четверть восьмого. Но дома делать нечего, так что лучше немного прогуляться. Я допил кофе, поднялся из-за стола.

– Ну, пока.

Лена рассеянно кивнула, думая о чём-то своём.

В прихожей я поправил перед зеркалом форму, галстук и вышел на улицу.

Этим утром у меня было не столь радужное настроение, как накануне. В девять часов мне предстояло присутствовать на оперативке у начальника уголовного розыска Белова, и вчерашнее событие в «Бирюзе» не выходило у меня из головы. Расследование предстояло трудное, а с чего начинать? Держал, конечно, в голове несколько соображений, да и был уверен, что в уголовном розыске тоже подкинут мне что-нибудь существенное. Ребята там толковые, оперативники классные. И ниточки у нас есть! Хотя бы тот же след протектора с щербинкой, зафиксированный во дворе магазина, описание нападавших и машины, на которой они приехали.

Без пяти девять вошёл в кабинет Белова. Все оперативники уже в сборе. Опустив седящую голову, Белов медленно расхаживал из угла в угол. Заметив меня, он остановился и, кивком ответив на приветствие, сухо произнёс:

– Что ж, начнём, пожалуй. У кого какие версии по «Бирюзе»?

Я присел на единственный свободный стул у окна. Оглядел собравшихся. Лица у всех озабоченные, глаза хмурые. Многие, наверное, не спали.

– Значит, неизвестные подъехали к магазину на такси? Чьё оно? Кто шофёр? – снова спросил Белов, ни к кому конкретно не обращаясь.

Первым вызвался ответить старший оперуполномоченный Сергей Наумов. Ему недавно исполнилось тридцать, он лишь тремя годами моложе меня, а уже был одним из опытнейших розыскников.

– Такси принадлежит второму автопарку, – заговорил Наумов, легко поднявшись с дивана. – За машиной закреплены два водителя – Власов Николай Григорьевич, старый кадровый работник, и его молодой сменщик Водолазкин Владимир Константинович, выпускник автошколы. Вчера вечером работал Власов. По его словам, такси просто-напросто угнали, когда он отлучился в столовую поужинать. Машину его мы пока не нашли.

Густые, нависшие над глазами брови Белова опустились ещё ниже:

– А не может он быть соучастником этого преступления?

Наумов задумчиво пригладил свои русые волосы и, чуть помедлив, возразил:

– Маловероятно. Власов – человек пожилой, передовик труда, вырастил двоих детей, имеет внуков. Маловероятно, Александр Петрович... Маловероятно.

Белов подошёл к окну, стал разглядывать улицу. С каждой минутой солнце всё ярче заливало лучами кабинет, всё громче нарастал шум города. Где-то там, в его необъятных недрах, скрывались те, кого нам надо было найти во что бы то ни стало.

– А что говорят свидетели? – опять спросил Белов.

Наумов сел, а с дивана поднялся рослый и плечистый, как всегда щеголевато одетый оперуполномоченный Громов, мой хороший товарищ и ровесник.

– Свидетелей, паренька и старушку, мы установили следующим образом...

Белов резко обернулся к нему:

– Я не спрашивал, как вы разыскали студента Бубнова и пенсионерку Малинину. Что они рассказали? У нас есть фотография Власова?

Я поспешил на выручку Громову. Ведь опрашивать свидетелей пришлось мне, а не ему.

– И фотография есть, и показывали её, – заверил я, поднявшись. – За рулём такси сидела женщина. Разглядеть её свидетели не сумели, а вот мужчину, что находился в салоне машины, запомнили: молодой брюнет. Словом, не Власов. Поскольку Бубнов учится в художественном училище, я попросил его набросать хотя бы приблизительный портрет этого человека. Бубнов согласился и вот-вот должен его принести.

Я сел, а Белов возвратился к столу, грузно опустился в кресло, задумался. К нему я всегда испытывал настоящую симпатию: волевой, аккуратный, деловитый. За ним мы все были как за каменной стеной. То, что он вдруг повысил голос, было совсем не характерно для него. Да и Громов, несмотря на его щегольство и многословие, отнюдь не пустозвон, зарекомендовал себя умелым и знающим работником.

Белов поднял голову.

– У вас всё? – спросил он Громова.

– Нет, – торопливо отозвался тот, – разрешите высказать свои соображения.

– Ну-ну... – смягчился Белов. – Выкладывайте.

– Полагаю, что преступники вели многодневное тщательное наблюдение за магазином, – оживился Громов, и сеточка мелких морщинок на его загорелом лице сразу исчезла.

– Почему вы так думаете?

– Уж очень чисто сработали, вернее – дерзко. Надо бы выяснить, кто в последнее время крутился у «Бирюзы».

«Ай да молодец Громов! С языка у меня сорвал», – в душе похвалил я товарища.

– Резонно, – согласился и Белов. – Вот вы с Наумовым и отработайте эту версию. Может, кто-нибудь из наших «крестников» отличился.

«Да!.. – подумал я. – Представляю, каково придётся моим друзьям. В городе проживает не один десяток человек, уже на практике познакомившихся с Уголовным кодексом. Кто из них, где и как проводил вчерашний вечер? Выяснить это – задача не из лёгких. Очень даже не из лёгких!»

Однако Громова она ничуть не смутила. Он переглянулся с Наумовым, слегка подобрал, чтобы не помять, светлые, хорошо отутюженные брюки, сел на своё место и тут же быстро стал писать что-то в блокноте.

– Та-ак... – продолжил Белов. – А теперь ещё раз послушаем товарища Демичевского.

Он устремил на меня пытливый взгляд и после короткой паузы спросил:

– В чём нужна помощь? Зацепок-то почти нет.

Я опять встал, снова оглядел всех и сказал:

– Почему нет? Взять хотя бы пропавшее такси. Это как раз такое звено, за которое мы можем ухватиться. Надо подключить патрульно-постовую службу и участковых инспекторов. Следует осмотреть все дворы, гаражи, тупики и переулки... Ведь где-то оставлена эта машина!

Белов кивнул. Я был уверен, эта мысль пришла и к нему.

– Теперь второе... Насчёт предположения Громова о том, что за «Бирюзой» велось наблюдение... В первую очередь нужно ещё раз опросить работников магазина и жителей прилегающих домов. Может, действительно, в последние дни кто-то мозолил им глаза.

Белов снова молча кивает и делает в еженедельнике пометку.

– И третье... Не мешало бы посмотреть дела о преступлениях, совершённых в городе с применением огнестрельного оружия. Сегодня я направлю для исследования пулю и гильзу, что нашли в магазине. Как знать, может, сопоставление данных проверок с материалами этих дел и выведет нас на след преступников.

Обговорив с оперативниками ещё ряд вопросов, я покинул кабинет Белова, с нетерпением стал ждать Бубнова. Он обещал прийти в десять, а на моих часах было уже двадцать минут одиннадцатого.

И тут же услышал негромкий стук в дверь. Поспешно откликнулся:

– Войдите!

В узкую щель двери сначала осторожно просунулась широколобая голова Бубнова, и наконец он сам объявился на пороге. Смущённо улыбаясь, подошёл к столу и показал мне небольшой конверт.

– Вот. Принёс... Как просили.

Он аккуратно вскрыл конверт, бережно достал из него листок бумаги, расцвеченный акварелью.

Первое впечатление было – меня обманывают. Это не могло быть рисунком. Это цветная, мастерски выполненная фотография. Но шероховатость бумаги и некоторая расплывчатость красок на ней убеждали: портрет рисованный.

Но до чего запоминающееся лицо!.. Плотны сомкнуты тонкие губы, сжаты крылья такого же тонкого носа, тревожно прищурены миндалевидные тёмные глаза, нахмурены чёрные брови. Невысокий чистый лоб и густые, красиво уложенные волосы.

Моё долгое молчание, вызванное изучением портрета, Бубнов воспринял как недоверие к его работе. Он смущённо пробормотал:

– Может, не совсем точно изобразил... Вечер был, да и видел-то человека мельком... Если бы он не в машине сидел, а в студии позировал, да при хорошем освещении...

В том-то и дело, а он ещё оправдывался! Если ничего не сочинил, то – завидная зоркость у парня. Я дружески обнял его.

– Всё хорошо. Этот портрет мы сегодня размножим, и... словом, спасибо!

Он покраснел, как девушка, вскинул на меня повеселевшие глаза:

– Тогда пойду? У меня скоро занятия.

Попрощались, и он ушёл. Мне тоже не сиделось в кабинете, хотелось немедленно показать портрет оперативникам Белова: вдруг опознают в нём кого-нибудь из «крестников»?

Но... Как говорится, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Все восхищались мастерством художника, крутили портрет так и сяк, однако признать в нём кого-либо не смогли.

– И всё-таки кого-то он мне напоминает, – мучительно соображал Наумов. – Кто это? Кто?..

«Ничего, выясним! – подумал я. – И выведем на чистую воду. Никуда теперь он от нас не денется. Для начала покажу-ка этот портрет Шляпниковой».

Я вернулся в свой кабинет, достал из сейфа специально приготовленные для подобных случаев два портрета других лиц, вызвал служебную машину и поехал в «Бирюзу».

Шляпникова, в присутствии понятых, долго вглядывалась в портреты, затем указала на тот из них, что рисовал Бубнов, и чуть дрогнувшим голосом подтвердила: «Он! Очень похож на того бандита».

Глава 3

Домой опять возвращался поздно. По улицам ещё сновали машины, и я невольно приглядывался к ним – не промелькнёт ли такси с номером «37-38»? Ох, как была нужна мне эта машина! Твёрдо верил, что от неё потянулась бы ниточка к раскрытию разбойного нападения на «Бирюзу».

Жёлтых такси проносилось немало, но всё не те, не те...

Так, озабоченным, и пришёл домой. Не успел вытащить из кармана ключ от квартиры, как дверь распахнулась – и я увидел счастливое, улыбающееся лицо Елены.

– Как хорошо!.. Как хорошо, что ты всё-таки пришёл, – порывисто воскликнула она и втянула меня в прихожую.

Я замер у порога.

– А что, собственно, случилось? Почему – «всё-таки»?

– Потом, потом скажу. Давай переодевайся – и ко мне, в мою келью.

И тут я заметил на Елене нарядное тёмно-зелёное вечернее платье и лёгкий белый шарфик. Они придавали ей праздничный вид.

– Какое-нибудь семейное торжество? – догадался я наконец.

Она молча кивнула.

– И моё присутствие тоже необходимо?

Ещё кивок. И мне ничего не оставалось, как подчиниться и наскоро привести себя в порядок. Не понимал только: почему торжество не в гостиной и так тихо в квартире?

Быстро снял запыхавшуюся форму. Умылся. Надел белую рубашку, синий галстук. Сдул с костюма пылинки. Вгляделся в зеркало: на меня смотрел кудрявый, сероглазый, ещё молодой человек, прилично одетый и с не очень скучной физиономией... Так что вроде бы всё нормально, можно было идти.

В комнате Елены чуть светилось крохотное бра на стене. Горел зелёный огонёк стоявшей на полке магнитола, слышалась приглушённая мелодия блюза. На журнальном столике, придвинутом к тахте, – вазочка с цветами, бутылка шампанского и торт. Елена сидела на тахте. Густые каштановые волосы рассыпались по плечам.

Присел рядом и спросил:

– А Екатерина Ивановна где?

И тут же в ответ услышал тихий серебристый смех:

– Разве со мной тебе не интересно?

Я окончательно растерялся.

– Почему же... – и чуть не с мольбой снова спросил: – Но объясни, пожалуйста, что всё это значит?

Лена привычным лёгким жестом отбросила со лба волосы.

– Мама уехала к тётушке на денёк. Мы с тобой одни... Понимаешь, вчера мне исполнилось тридцать. Мы думали отметить это событие, но ты пришёл с работы очень поздно... Давай отметим его сегодня.

Обескураженный, я молчал. Так вот почему вчера она была такой грустной... Милая, добрая моя Прекрасная Елена!

Машинально оглядел её комнату. Здесь я был впервые. Всё здесь дышало чистотой и уютом... Но почему мне такая честь? А у меня и подарка нет.

Я лихорадочно перебирал в памяти скудную обстановку моей комнаты.

Есть! Нашёл! Тут же сорвался с места:

– Я сейчас... Извини.

И помчался к себе.

Лена – большая любительница книг. Недавно я приобрёл по случаю замечательное издание романа «Русский лес». Леонов всегда привлекал меня своим глубоким философским мышлением, афористичностью речи, а тут вдруг – отлично изданный томик! Подписать его – дело одной минуты.

Увидев подарок, Елена вздохнула:

– Ах, Демичевский! Зачем это? Я же знаю, как тебе хотелось заполучить эту книгу.

Я поспешил развеять её огорчение.

– Ничего. Ещё достану. Лучше прочитай, что я там нацарапал.

Лена раскрыла томик и снова счастливо улыбнулась, неожиданно наградила меня лёгким поцелуем:

– Спасибо за «Елену Прекрасную» и такой дорогой для меня подарок.

Мы сели на тахту. Всё так же приглушённо звучала мелодия блюза, в бокалах искрилось шампанское, нескрываемой радостью сияли глаза Елены.

– Расскажи мне о себе, Демичевский. Как ты жил, кого любил?.. Сегодня я хочу всё знать о тебе. Всё!

В голове моей чуть шумело от выпитого вина и поцелуя. Музыка расслабляла, вызывала на откровенность. Хотелось окончательно размагнититься и раскрыться, рассказать о наболевшем.

И вспомнился далёкий старинный город. Тенистый парк. И девчонка на скамейке... Красивая девчонка, русоволосая, с глазами, наполненными тревогой.

«Ты не забудешь меня, Владик?»

«Я буду писать тебе каждый день!»

И писал. Все два года армейской службы. И ни на одну из девчонок не глядел. А Катюша не дождалась, вышла замуж за другого парня.

Нет! Об этом не стоило говорить никому. Это моё, пусть оно во мне и останется, – думал я.

– Ну что ты молчишь? – спросила Лена.

А я не знал, что и сказать.

– Тогда потанцуем? – терпеливо предложила она, видимо, догадавшись о моём состоянии.

И мы медленно поплыли в полумраке. Рука Елены легко лежала на моём плече, глаза не отрываясь смотрели в мои глаза.

– Ты всё ещё любишь её? – тихо спросила она.

И опять не нашёлся, что ответить. Врать нельзя, и правду сказать в такой вечер язык не поворачивался.

– Знаешь, давай не будем говорить обо мне. Всё-таки героиня вечера – ты! Лучше расскажи о себе. Извини за нескромность, почему ты не замужем?

Лена шутливо рассмеялась.

– Потому что таких плутов, как ты, не встречала.

Она остановилась.

– Но если серьёзно – были предложения. Да душа ни к кому не лежала. Почему-то все лишь о себе и думают, о своём «я». А мне, Демичевский, не рабыней, а царицей быть хочется!

– Клеопатрой, что ли?

– Нет! Такой, как Суламифь. В любви своей – царицей. Понимаешь?

Я бестолково кивнул, и мы возвратились за столик.

– Хочешь кофе? – спросила Елена.

– Хочу.

Лена ушла на кухню, и вскоре по всей комнате разнёсся горьковатый аромат.

– Почему ты вчера так поздно вернулся? – спросила она. – Что-нибудь случилось?

– Да, – ответил. – Ищем пропавшее такси.

И, не вдаваясь в подробности, коротко поведал о вчерашнем ЧП.

– Ужас какой, – передёрнула плечами Елена. – Лучше расскажи что-нибудь весёленькое. Уж сегодня ты обязан развлекать меня.

Начал вспоминать. Но в голову лезли одни лишь криминальные истории. Лена рассмеялась.

– Ладно, не мучься.

И взяла мои руки в свои ладони.

– Какие у тебя красивые, тонкие пальцы, Демичевский.

Я весь напрягся, почувствовав нежность её рук.

– Что ж в них хорошего...

– Не скажи... Глаза или лицо могут обмануть человека. А вот руки... В них, по-моему, вся душа... У тебя пальцы музыканта. Но ты ни на чём не играешь!

– Играю, – возразил с улыбкой. – На гитаре играю. Да всё никак не могу купить – в магазинах они нарасхват.

– У тебя очень красивые пальцы, – задумчиво продолжала Елена. И неожиданно приникла к ним губами.

У меня перехватило дыхание. Это был уже не тот мимолётный поцелуй, которым она наградила меня всего несколько минут назад... Руки мои сами потянулись к этой волнующей, удивительной девушке. И я почти не слышал страстный, срывающийся её шёпот:

– Подари мне их, подари!..

Боже мой, как в этот момент стучало в моих висках... С трудом оторвался от её губ и встал с тахты, чтобы не видеть откровенных глаз Елены.

– Потанцуем, Лена... Давай потанцуем...

Глава 4

Утром Елена варила для меня кофе.

– Спасибо за вчерашний вечер, – сказала она тихо.

Кусок бутерброда застрял в моём горле. Хорош вечер!

При первой возможности удрал как мальчишка. А она ещё благодарит!

Лена словно подслушала мои мысли.

– Не переживай так, Демичевский. Я сама вела себя глупо... А пальцы свои мне всё-таки срисуй. Срисуй, Демичевский.

– Будет сделано, – шутливо пообещал я, лишь бы что-то ответить. – Потом можешь поместить рисунок в рамку, раз они так тебе понравились.

Пил кофе и никак не мог разобраться в себе: стыжусь, что не ответил на вчерашний порыв Лены, или сожалею об этом?

– Я провожу тебя, – сказала Лена. И я заметил, что одета она по-дорожному.

– Куда-то собираешься ехать?

– Да... Ненадолго.

Мы вышли на улицу. Лена проводила меня до бульвара. Шли и молчали. Молча и разошлись, лишь смущённо улыбнувшись друг другу.

Честное слово, на работе легче! Там и самое запутанное дело не кажется таким уж неразрешимым. Даже ЧП с магазином.

Расстроенный, свернул к горотделу. Не успел подняться в свой кабинет, как на пороге появился возбуждённый Наумов.

– Лебедев звонил. Насчёт пропавшей машины. Нашлась, говорит!

Лебедев – наш лучший участковый. Его слову я верю как своему.

– Где? Где эта машина?

– Дачная, 15.

– Начальству докладывал?

– А как же! Дана команда выезжать. Все уже в сборе.

В нашем «УАЗике» и впрямь было не повернуться: оперативники, эксперт Губин, кинолог с собакой... «УАЗик» сорвался с места и помчался по улицам за город, в дачный посёлок.

– Как нашли? – спросил я Наумова.

– К Лебедеву мужичок с утра пришёл, местный плотник Егоров. Так, мол, и так. Слышал, милиция машину ищет. Не она ли за его сараюшкой стоит? Лебедев сразу туда. Действительно, за сараем – такси, жёлтого цвета, номерной знак «37-38». Он и позвонил нам... Интересно, почему преступник оставил машину именно там?

Шофёр, хорошо знавший дачный посёлок, без особого труда отыскал нужную улицу. Вдоль обочин тянулись стройные тополя, и казалось, что сквозь их густую сочно-зелёную листву лучи солнца никак не могут пробиться к земле, яркими бликами застревают в пышных кронах.

Дорога, где местами были выбиты куски асфальта, узкой лентой вилась по посёлку и за одним из поворотов неожиданно оборвалась у небольшого, в два окна по фасаду, кирпичного дома с палисадником и сараем, за которым стеной стоял густой и тёмный лес.

Из-за сарая выплыла коренастая фигура Лебедева. Он одёрнул на себе китель, поправил сбившуюся набок фуражку, неторопливо подошёл к нам и коротко доложил обстановку. Теперь можно было приступить к осмотру.

Жёлтая «Волга» сиротливо стояла в тени за сараем. С улицы было невозможно увидеть её. Наверное, поэтому и оставил машину здесь преступник. И на земле знакомый, очень знакомый рисунок от протектора «Волги». С той же характерной щербинкой...

Я подал членам опергруппы команду, и у нас началась привычная работа, без спешки и суеты. Каждый делал, что положено. Мы фотографировали, чертили план местности, изучали почву в поиске следов. Главным было – не упустить малейшей мелочи, которая – как чаще всего и бывает – могла оказаться самой существенной для дела.

В палисаднике цвели вишни, осыпали нас нежными лепестками. Земля от них белым-бела. Я решил поговорить с Егоровым: когда увидел здесь эту машину, не приметил ли, кто оставил её? Однако ничего нового для меня не услышал и прошёл к сараю. Там Губин увлечённо колдовал над машиной. Обработывал химическим составом приборный щиток, рулевое колесо, дверные ручки... Никаких следов!

– Наверное, действовали в перчатках, – огорчённо высказался Губин и устало опустил на траву. – Либо стёрли следы. Мастаки, видать!

С досады я тоже чуть не выругался.

– Может, попросить в помощь экспертов областного УВД?

– Не надо, – отверг моё предложение Губин. – Сами управимся.

Он резко поднялся.

– Все следы не уничтожишь!.. Это они, «мастаки», думают иначе. А нас не проведёшь!.. Что-нибудь да осталось. Отгоним «Волгу» в отдел и будем разбирать машину.

Так и решили. К тому же здесь нам больше делать было нечего: собака след не взяла – слишком много времени прошло, а Наумов с Лебедевым тоже возвратились с обхода домов ни с чем – никто из жителей не приметил приехавших в такси.

Я проголодался и потому по дороге в отдел вышел из машины у ближайшего к райотделу кафе, чтобы немного перекусить. Быстро разделался с борщом и котлетой, запил освежающим берёзовым соком. После такой обеденной процедуры опять можно было и за работу.

– Передохнул маленько? – дружески обнял меня за плечи Наумов, как только я вновь появился в отделе.

Я улыбнулся ему и тоже спросил:

– Что Губин?

– Разбирает с гаишниками машину. Уже демонтировали рулевое колесо, переключатель скоростей.

– Нашли что-нибудь?

– Пока не знаю.

– Пойду-ка посмотрю.

– Желаю удачи!

Я вышел во двор и стал ждать там результатов осмотра. Время тянулось медленно, порой казалось, что оно остановилось. Наконец услышал радостный возглас Губина:

– Есть пальчики!

– Где? – заторопился к нему.

– На обратной стороне руля. Да и на внутренних поверхностях рукояток ручного тормоза и рычага переключателей скоростей... Я говорил – найду!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.